

УДК 397.4

Ценностные доминанты турецкой традиции: кочевой культурно-исторический пласт

Горбунова Марина Юрьевна

Аспирант,
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова,
119192, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский пр., 31;
e-mail: marinochka88@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена осмыслению ценностных доминант турецкой традиции, сформировавшихся в контексте кочевого культурно-исторического пласта. На основе исследования символики мифологического образа в реалиях культуры автор выявляет тенгрианское мировоззрение и воинственность как стержневые и культуuroобразующие элементы турецкой цивилизационной общности. Резюмируя выявленные ценностные доминанты турецкой культуры кочевого культурно-исторического пласта, можно делать вывод о том, что система ценностных доминант турецкой культуры этого периода впитала в себя воинственность кочевников и мировоззренческую систему тенгрианства. Поставленные позже на фундамент ислама, они сформировали национальный характер и ментальность турок, стали связующим звеном между другими тюркскими народами, которые объединились под флагом пантюркизма. По сей день эти доминанты определяют самобытность турецкой культуры, и в повседневной жизни проявляются в религиозной толерантности, в почитании древних обычаев и праздников, в бережном и уважительном отношении к природе, в паломничестве к святым местам захоронения предков, в широкой популярности традиционных боевых искусств и в особом отношении к традиционному оружию.

Для цитирования в научных исследованиях

Горбунова М.Ю. Ценностные доминанты турецкой традиции: кочевой культурно-исторический пласт // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 4А. С. 606-615.

Ключевые слова

Ценностные доминанты, кочевничество, турецкая культура, тенгрианство, воинственность, воинский дух.

Введение

Общество сохраняет свою целостность и своеобразие через обращение к традиционным ценностям, передающимся посредством фольклора, мифологии, обычаев и обрядов. Выступая регулятивами жизни и фундаментом всякой культуры [Сорокин, 1992, 429], ценности объединяют этнос в процессе его становления и развития, наполняют его жизнь существенными для данной традиции смыслами. В изучении аксиологии культур особую важность представляет выявление опорных ценностных позиций, вокруг которых выстраивается и разворачивается тот или иной этнокультурный ландшафт во всем его многообразии. Эти позиции мы обозначим как ценностные доминанты, под которыми будем понимать содержательную основу мировоззрения народа, некий желаемый духовно-нравственный идеал, внутренний стержень, объединяющий общности людей в этносы и определяющий их уникальную самость.

В становлении турецкой историко-культурной общности особую роль играет кочевой пласт (XI в. до 1299 г.). Несмотря на всю архаичность этого периода, его наследие по сей день находит отражение в турецкой ментальности, в таких важных ценностных доминантах турецкой традиционной культуры, как тенгрианство и воинственность. Остановимся на каждой из них подробнее.

Тенгрианство как мировоззренческая основа турецкой традиционной культуры

Тенгрианство как философско-религиозная система кочевников воплощается в стремлении к достижению гармонии с Космосом своей культуры, в особом отношении к природе и к ее стихийным явлениям, в почитании предков, духов, птиц и зверей. В современной традиционной культуре эта доминанта проявляется в фольклоре, искусстве, народном творчестве и при доминирующей религиозной роли ислама служит одним из оснований родства тюркских народов.

Сведения о тенгрианстве мы находим еще в орхонских рунических текстах (VIII в.): «Вначале было вверху голубое небо, а внизу темная земля; появились между ними сыны человеческие» [Гумилев, 1967, 78]. Кочевники жили динамично, отсюда и понимание Неба как вечного движения и беспредельности. Бескрайнее Небо, по их мнению, не только простирается над бескрайней Землей, но и управляет ею в любой ее точке [Пиков, 2009, 8]. Тенгрианство с его культом Тенгри («дух Вечного Неба»), зародившееся в недрах кочевого общества в V-IV вв. д.н.э., выступает сложным политеистическим типом верования, в котором

соединились единобожие, пантеизм, тотемизм и шаманизм. Однако помимо религиозного ракурса, тенгрианство в первую очередь рассматривается как некая мировоззренческая модель, на основании чего некоторые ученые, говоря о кочевой цивилизации, называют ее тенгрианской. Востоковед С.М. Абрамзон так описывает понятие Тенгри: «Камнеписные памятники позволяют сделать вывод о том, что содержание самого понятия «Тангри» у древних тюрков было значительно шире, чем божество неба. Это верховное божество выступало как бы в виде синтеза всех астральных представлений, оно адекватно понятию «Вселенная» [Абрамзон, 1971, 290]. Основным принцип тенгрианского типа культуры, для которой характерно символическое мышление и космогоничекая картина мира, сложившаяся в мифологическую эпоху, можно определить как «гармония и идея сакрализации всего Сущего» [Кокумбаева, 2012, 24]. Согласно мифологическому подходу, Сущее воспринимается как целостность, в которой человек неотделим от природы, вовлечен в нее, черпает из нее силы. Поэтому жизненное самочувствие кочевника глубоко связано с построением гармоничной взаимосвязи человека с природой. Сложилась целая система этих отношений, основанная на признании законов развития окружающей среды, понимания степи как живого организма, без которого невозможно существование кочевой культуры. Как отмечает Б.Д. Кокумбаева, особенность тенгрианской культуры заключается в ее «нерасчлененности и целостности мифа, нравственности, религии, искусства» [Там же, 23]. Именно этим и определялось то, что тенгрианство является «не религией в привычном понимании, а религиозной идеей, которой проникнуто все тюркское мировоззрение» [Абаев, Аюпов, 2010, 21].

Так одним из проявлений тенгризма в современной турецкой культуре может выступать обозначение «Бога» в турецком языке – Тангри (производное от Тенгри). А изображенные на турецком флаге месяц со звездой можно рассматривать не только в рамках исламской парадигмы (пятиконечная звезда как отражение пяти столпов ислама, а месяц как символ приверженности мусульман к лунному календарю), но и считать их в тенгрианской перспективе. Месяц (Луна), наряду с Солнцем, символизирует жизнь [Каракозова, Хасанов, 2011, 16]. А звезда – небесный ориентир, по которому во время перекочевки сверяли путь – служит мифологической точкой отсчета всей жизни. Тенгрианское мировосприятие проявляется также и в некоторых традиционных праздниках. Среди них можно выделить день весеннего равноденствия Невруз-байрам, который, согласно астрономическому календарю, отмечает наступление нового года, обновление природы и человека. В тюркской мифологии данный праздник связан с появлением тюркских народов в легендарной стране Эргунэ-Хун (Эргуне-Кун), которая описывается как котловина, окруженная со всех сторон горами [Абаев, 2011, 169]. Важнейшим атрибутом этого праздника является пророщенная пшеница (semeni),

выступающая в тюркской мифологии символом плодородия и достатка [Karakurt, 2011, 180]. Популярны традиции окрашивания яиц и народные танцы «коса кечи», знаменующие собой победу весны над зимой. Также в турецком языке имеется большое количество пословиц и поговорок, связанных с темой природы, ее ценности и целостности. Среди них можно выделить такие как «У того, кто не любит деревья, и к детям любви не будет» (Ağaç sevgisi olmayanda evlat sevgisi olmaz), «Сделай доброе дело и брось его в море – если рыбы этого не оценят, оценит хоть господь бог» (İyilik et denize at, balık bilmezse Halik bilir), «Небо дает земле, земля не дает небу» (Gökten yere yağar, yerden göğe değil) [Aksoy, 1995].

Позднее тенгрианское мифологическое мировоззрение было поставлено на религиозный базис пришедшего ему на смену в X в. ислама и суфизма, составило основу миропонимания турок и определило их культурную парадигму, тесно переплетаясь с официальной религией Османской империи. Однако именно тенгрианство составило фундамент [Аязбекова, 2012], который на протяжении веков не был раздавлен воздействием ислама и сохранился в традиционном мировидении турецкого народа, выступая его духовной защитой. Таким образом, мы можем утверждать, что одним из исконных оснований турецкой самобытности выступают специфические черты тенгрианского мировоззрения и ценности, лежащие в его основе.

Воинский дух и воинственность в контексте турецкой традиции

Воинский дух и воинственность представляют собой еще одну ценностную доминанту турецкой традиционной культуры. Воинственную природу кочевников отмечает Н.Н. Крадин. [Крадин, 2001, 119]. Как пишет ученый, еще Геродот усматривал милитаристический характер скифов, отмечая, что варварские народы меньше всего ценят тех, кто занимается ремеслом и, напротив, считают благородными тех, которым совершенно чужд ручной труд и которые ведают только военное дело [Там же, 121]. В связи с этим, в качестве следующей ценностной доминанты, которая составляет турецкий Космос, выделим воинственность и воинский дух.

Мы будем характеризовать их как свойство истинного воина, проявляющееся в мужественности, постоянной готовности к бою, храбрости, непримиримости и героизме. Героизм и самопожертвование в этом случае являются главными добродетелями. Они сосредоточены не в материальных предметах, а в идеях и чувствах, ценностях и принципах. Таким образом, воинственность в турецкой культуре представляет собой не просто активные военные действия с целью агрессии или защиты от нее. Она выступает в качестве онтологической категории, которая формирует сознание, менталитет и выступает ценностным основанием жизни, на основе которого вырабатываются модель культуры, стереотипы

поведения, картина мира, различные традиции, обряды и символы.

С этих позиций воинственность изучали, в частности, политолог М. Калдор, военный теоретик К.Ф. Клаузевиц, М. Йолцер, политический мыслитель К. Шмитт, философ культуры А.В. Яровой.

По преданию, древние тюрки были воинственными и предприимчивыми людьми. Свою жизнь они проводили в сражениях, которые были столь жестокими, что «воды рек становились красными от крови» [Бисенбаев, 2008]. Спецификой военных союзов кочевников было объединение племен с целью увеличения армии для последующих захватов, при этом каждое новое племя рассматривалось как потенциальный враг. Проиллюстрировать данный принцип способны такие пословицы турецкого языка, как «Düşman karıncaysa da kork» – «И маленького врага стоит бояться» (букв. «даже если враг - муравей, бойся его»), «Su uyur, düşman uyumaz» – «Вода спит, а враг никогда». Поэтому турок не мог доверять никому, кроме своего коня. При этом момент обуздания коня, являющийся основанием кочевой культуры, тоже несет в себе мотив завоевания, преклонения перед силой. Этот момент подчинения, повиновения, доказательства своей силы и лежит в основе воинственности кочевника.

Идея войны и военной службы пронизывала все стороны кочевой жизни. Война и мир находились на одной плоскости бытия. Они не разнились так, как разнятся для оседлого земледельца. К.Ф. Клаузевиц определяет войну как «своеобразную троицу, составленную из насилия, как первоначального своего элемента; ненависти и вражды, которые следует рассматривать как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случайностей, что делает ее свободной душевной деятельностью; из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она становится достоянием непосредственного рассудка» [Клаузевиц, 2002, 50]. Однако это исконно заложенное насилие проявляется не только физически, но и управленчески: в дисциплинированности, умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговли, сбора дани и набегов на соседние страны. Перманентное состояние войны, в котором кочевые народы находились на протяжении долгого времени, вызвали в жизни и особые социальные институты воспитания мужчины-воина, и особый менталитет. Так, например, в турецкой традиции сыновья по достижении ими 10-12 лет воспитываются в основном мужской частью семьи, они обучаются ремеслам, почтительному отношению к старшим, познают основы религиозных учений.

Необходимо выделить и проанализировать те черты, которые составляют основу воинственности, присущей кочевым народам, при этом культурный ландшафт турок представляется в виде воинского пространства маскулинной культуры кочевничества.

Восточные мудрецы рассказывали, что «сказал пророк, да благословит его Аллах и да ниспошлет ему мир: «Не покушайтесь на турка, пока не трогает он вас» [Бисенбаев, 2008]. В основе воинственности турков лежит не просто желание борьбы, а выработанные веками спокойная сила, духовная мощь и героизм, которых враги не только боятся, но перед которыми преклоняются. Героизм воина связан непосредственно с культом героя, и понимать мы его будем мифологически. Нортроп Фрай определяет понятие мифологического героя следующим образом: «. . . термин стал означать храброго предводителя, либо личность, обладающую огромной физической или моральной силой» [Ващенко, 2008, 25]. Здесь подразумевается не только герой-предводитель, но и каждый отдельный воин. В этом ракурсе он выступает не столько боевой единицей, сколько обладателем особой силы. Сила эта сакральна, она дарована воину для преодоления в бою хаоса с целью воссоздания гармонии. Герой синтезирует крайности и противоположности, объединяя миры [Там же, 29]. Проявляется культ героя в мифах и традиционном эпосе.

В частности, основной миф каждого народа – космогонический – у турок связан с мифологическим героем Коркутом, который считается праотцом их этно- и культурогенеза. Поскольку сотворение мира происходит, когда Коркут вонзает струны своего кобыза в воды реки Сардарьи, то он предстает в образе воина-музыканта. Именно в этом герое проявилась мифологизированная связь, задающая единство Неба (Музыка) и Земли (Воин-всадник) [Аязбекова, Аязбеков, 2014, 185]. А в эпосах о Кероглы и Манасе герой представлен могучим побеждающим воином, которому никто не страшен и который черпает силы от окружающей природы.

Исследователь А.В. Яровой в своем труде «Агон и номадизм» отмечает, что полководец-номад руководствуется своей слитностью с природой, но и она не является некоторой онтологической реальностью, она реальность окультуренная, космическая. Бой, в который вступает номад, является частью этого космоса, победа не зависит от строгого расчета или от следования божественному проведению [Яровой, 2012, 34]. Пространство и время сливаются, и бой превращается в сакральное действие, в котором молитва воина вторит зову самого Бога. Поэтому «воин сакрально одержим, в нем максимально проявляется витальная сила того социального объединения, с которым он себя идентифицирует» [Там же]. Эта сила, в свою очередь, формирует воинский дух, помогающий номаду в бою, «пронизывает всю войну и на начальном этапе устанавливает тесную связь с волей, которая движет и руководит всей массой сил, практически сливаясь с ней» [Клаузевиц, 2002, 44]. Поддержание воинского боевого духа служит одной из основ успешного исхода битвы, и в этом смысле музыка дает армии

возможность усиления моральных качеств воина с целью его приобщения к Космосу своей культуры и черпания в нем моральных сил.

Когда кочевье как способ жизни сменяется оседлостью, то внутренняя энергия народа, «кровь движения» находит свое выражение в военной сфере; поэтому основным типом государственного устройства кочевых племен была военная демократия. Позднее в османском государстве, которое было кочевым и завоевательным, с высоким уровнем маскулинности и воинственности, не было необходимости «вписывать» воинский дух в социальную парадигму османской империи. Военный строй как бы обрастал социальными слоями, но сердцевина все равно оставалась воинской. В отличие от других культур и цивилизаций, где воинская культура является определенной субкультурой в обществе, в османской империи ее завоевательный и воинский дух был культуuroобразующим, т.е. определял глубинную сущность и специфику этого культурно-исторического типа.

В современной турецкой культуре воинственность проявляется в распространении традиционных боевых искусств (например, традиционная «масляная» борьба, включенная в список шедевров устного и нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО), сохранении воинского культурного наследия (например, традиции военно-исторического оркестра Мехтер), а также традиции создания клинкового оружия.

Таким образом, мы полагаем, что именно воинское начало есть системообразующий фактор турецкой культуры, ядро, вокруг которого строится самобытность этого народа.

Заключение

Резюмируя выявленные нами ценностные доминанты турецкой культуры кочевого культурно-исторического пласта, мы можем сделать вывод о том, что система ценностных доминант турецкой культуры этого периода впитала в себя воинственность кочевников и мировоззренческую систему тенгрианства. Поставленные позже на фундамент ислама они сформировали национальный характер и ментальность турок, стали связующим звеном между другими тюркскими народами, которые объединились под флагом пантюркизма. По сей день эти доминанты определяют самобытность турецкой культуры и в повседневной жизни проявляются в религиозной толерантности, в почитании древних обычаев и праздников, в бережном и уважительном отношении к природе, в паломничестве к святым местам захоронения предков, в широкой популярности традиционных боевых искусств и в особом отношении к традиционному оружию.

Библиография

1. Абаев Н.В., Аюпов Н.Г. Тэнгрианская цивилизация в духовно-культурном и геополитическом пространстве Центральной Азии. Алматы, 2010. 200 с.
2. Абаев Н.В. О прародине всех тюрков и монголов: «Эргенекон», «Эргунэ-хун» или Танну-Урянхай // Новые исследования Тувы. 2011. №1 (9). С. 169-185.
3. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 426 с.
4. Аязбекова С.Ш., Аязбеков С.А. Тюркская цивилизация: теоретический и исторический контекст // Тюркский альманах. Астана, 2014. С. 172-195.
5. Бисенбаев А.К. Мифы древних тюрков. Алматы: Ан-Арыс, 2008. 120 с.
6. Ващенко А.В. Суд Париса: сравнительная мифология в культуре и цивилизации. М.: МГУ, 2008. 80 с.
7. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.
8. Каракозова Ж.К., Хасанов М.Ш. Космос казахской культуры. Алматы: Эверо, 2011. 78 с.
9. Клаузевиц К. фон. О войне. М.: АСТ, 2002. 558 с.
10. Кокумбаева Б.Д. Культурология тэнгрианского искусства. Павлодар, 2012. 156 с.
11. Крадин Н.Н. Кочевники в мировом историческом процессе: оседлые земледельческие цивилизации // Философия и общество. 2001. №2. С. 108-138.
12. Пиков Г.Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья первая: «Кочевая цивилизация» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск, 2009. Т. 8. Вып. 1. С. 4-10.
13. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
14. Яровой А.В. Социокультурные проекции агональности: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2012. 42 с.
15. Aksoy Ömer Asım. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü 2 Deyimler Sözlüğü. İstanbul: İnkılâp Kitabevi, 1995. 321 p.
16. Deniz Karakurt. Turk soylence sozlugu. Istanbul, 2011. 250 p.

Value dominants of the Turkish traditional culture: nomadic aspect**Marina Yu. Gorbunova**

Postgraduate,

Lomonosov Moscow State University,

119192, 31, Lomonosovskii ave., Moscow, Russian Federation;

e-mail: marinochka88@mail.ru

Abstract

Traditional values of a particular people outline the cultural path defining what makes them individual and unique. The most prominent of these key values can be called value dominants. Using the comparative mythology method of A.V. Vashchenko the author has analyzed such value dominants of the Turkish culture as Tengrism, warriorship and martial spirit that were formed in the nomadic period (1100s to 1299) and are still relevant today. As the result of our research the author concludes that Tengrism is not only the system of religious beliefs of the nomadic people, but it also is the ideology system that implies connection with the spirits of nature, harmonization, mythology and sacralization. The second value dominant that in the author's opinion identifies Turkish culture is warriorship and martial spirit. Turkish warriorship is not just the desire to win in a fight; it also consists of such elements as calm mental strength, martial spirit and heroism that are all considered through the prism of mythology and sacred higher powers. To this day, these dominants determine the originality of Turkish culture and in everyday life manifest themselves in religious tolerance, in veneration of ancient customs and holidays, in a careful and respectful attitude to nature, in pilgrimage to holy burial places of ancestors, in the widespread popularity of traditional martial arts and in special attitude to traditional weapons.

For citation

Gorbunova M.Yu. (2017) Tsennostnye dominanty turetskoi traditsii: kochevoi kul'turno-istoricheskii plast [Value dominants of the Turkish traditional culture: nomadic aspect]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (4A), pp. 606-615.

Keywords

Value dominants, Turkish culture, nomadism, Tengrism, warriorship, martial spirit.

References

1. Abaev N.V. (2011) O prarodine vsekh tjurkov i mongolov: "Ehrgenekon", "Ehrguneh-khun" ili Tannu-Urjankhadj [About ancestral homeland of all the Turks and Mongols: "Ergenekon", "Erguneh-Khun" or "Tannu-Uryankhay"?] *Novye issledovaniya Tuvy* [Tuva's new research], 1 (9), pp.169-185
2. Abaev N.V., Ayupov, N.G. (2010) *Tehngrianskaya civilizatsiya v duhovno-kul'turnom i geopoliticheskom prostranstve Central'noj Azii*. [Tengrism civilization in cultural and geopolitical space of Central Asia]. Almaty.
3. Abramzon S.M. (1971) *Kirgizyi i ih etnogeneticheskie i istoriko-kulturnye svyazi* [Kirghiz and their ethnogenetic and historical-cultural ties]. Leningrad: Nauka Publ.

4. Aksoy Ö.A. (1995) *Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü 2 Deyimler Sözlüğü* [Dictionary of Turkish proverbs and phrases]. İstanbul
5. Ayazbekova S.Sh., Ayazbekov S.A. (2014) Tyurkskaya civilizaciya: teoreticheskij i istoricheskij kontekst [Turkish civilization: theoretical and historical context]. In: *Tyurkskii al'manakh* [Turkish almanac]. Astana.
6. Besinbaev A.K. (2008) *Mifyi drevnih tyurkov* [Ancient Turks myths]. Almaty: An-Aris Publ.
7. Clausewitz C. von. (1989) *On War Princeton*. NJ: Princeton University Press. [Russ. ed.: Klauzevits C. fon. (2002) O vojne. Moscow: Izdatel'stvo AST Publ.).
8. Deniz Karakurt (2011) *Türk soylence sozlugu*. [Dictionary of Turkish myths]. İstanbul.
9. Gumilev L.N. (1967) *Drevnije tyurki* [Ancient Turks]. Moscow: Nauka Publ.
10. Karakozova Zh.K., Khasanov M.Sh. (2011) *Kosmos kazahskoj kul'tury* [Kosmos of Kazakh culture]. Almaty: Envero Publ.
11. Kokumbaeva B.D. (2012) *Kul'turologiya tengrianskogo iskusstva* [Tengrism art culture]. Pavlodar.
12. Kradin N.N. (2001) Kochevniki v mirovom istoricheskom processe: osedlye zemledel'cheskie civilizacii [Nomads in the world historic process: settled agricultural civilizations]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society], 2, pp. 108-138.
13. Pikov G.G. (2009) O «kochevoj civilizacii» i «kochevoj imperii». Stat'ya pervaya: «Kochevaya civilizaciya» [On “nomadic civilization” and “nomadic empire”. Article one: “nomadic civilisation”]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University bulletin. History, philosophy], 8, 1. pp. 4-10.
14. Sorokin P. (1992) *Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat Publ.
15. Vashchenko A.V. (2008) *Sud Parisa: sravnitel'naya mifologiya v kul'ture i civilizacii* [Judgement of Paris: comparative mythology in culture and civilization]. Moscow: Moscow State University Publ.
16. Yarovoi A.V. (2012) *Sociokul'turnye proekcii agonal'nosti. Doct. Diss.* [Social-cultural aspects of agonism. Doct. Diss.]. Rostov-on-Don.